

ПРАВОУСТАНОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА

Необходимым условием эффективного правосудия является последовательное осуществление в государстве принципа разделения властей. Самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной властей в пределах своих функций и компетенции соответствующих государственных органов – залог успешного формирования правового государства и укрепления основ гражданского общества.

Выражением судебной власти при рассмотрении конкретных дел выступает правосудие, которое является всеобъемлющей функцией суда¹.

Правосудие, как и любая социальная система, нуждается в социальном регулировании, исходящем прежде всего от общественного сознания, носителями которого выступают отдельные индивиды, социальные группы, общество в целом.

Общественное сознание по своей внутренней организации в какой-то мере противостоит индивидуальному сознанию и даже независимо от него. В то же время оно не есть что-то анонимно-безличное. Надо учитывать, что оно вырабатывается личностью, конкретными людьми. Индивидуальное сознание определяется прежде всего общественным сознанием, ориентируется на него, выступая как источник новых идей и установления таких традиций, которые не свойственны данному общественному сознанию. И это естественно, иначе невозможно было бы развитие самого общественного сознания². Хотя общественное сознание подвижно, подвержено изменению под воздействием конкретных общественных отношений, его можно подвергнуть непосредственной эмпирической фиксации. Через общественные отношения оно проявляется в форме деятельности.

Общественные отношения, как и вся человеческая деятельность, подвержены непрерывному возобновлению. Под воздействием людей их развитие может ускоряться или тормозиться. Соответственно этому изменяются регулятивные возможности общественных отношений. Структура общества связана с существованием многих видов общественных отношений: правовых, идеологических, политических, нравственных, эстетических, религиозных, национальных, международных и т. д.

Осуществление общественных отношений при реализации правосудия подчинено жизнедеятельности общества, подвергнуто социаль-

ному регулированию, определенным правилам, благодаря которым достигается упорядоченность всей социальной деятельности суда. Основная цель социального регулирования судебной деятельности – добиться соответствия поведения суда интересам общества и законным интересам участников судебного процесса.

В сфере правосудия сложилась система социальных регуляторов, которые в комплексе обеспечивают судопроизводство. Эту систему образуют как нормативные, так и ненормативные социальные регуляторы, причем в реальности они проявляются сообща.

Нормативные системы в сфере правосудия выступают как идеальное отражение реально существующих отношений между участниками судебного процесса. Они являются одним из способов конструирования и оправдания фактически сложившихся общественных отношений.

По своей природе нормативные регуляторы – это способы управления социальным поведением субъектов деятельности при осуществлении правосудия. Они являются орудием социального контроля над индивидуальным поведением, поскольку оно предопределяется множеством других факторов (биологических, психологических и др.). Им принадлежит приоритет ввиду того, что поведение людей упорядочивается с помощью общих, одинаковых для всех правил, которым все они должны подчиняться. В сфере правосудия их регулирующее воздействие направлено на формирование соответствующей его модели.

Для достижения своих целей общество должно воздействовать на потребности и интересы людей, ориентировать, направлять, оценивать и контролировать их деятельность. Это означает, что существует объективная необходимость в специфических средствах и методах социального регулирования поведения. Без регулирующего воздействия со стороны общества на поведение человека невозможно нормативное функционирование всех его атрибутов. Это является исходным при определении нормативного регулирования правосудия, которое имеет два уровня. На первом – общество, государство стремятся регулировать его так, чтобы оно отвечало их потребностям и интересам. Но индивиды имеют свои потребности и интересы, свое представление о справедливом правосудии. Они воздействуют на ту модель правосудия, которую предлагает общество, государство. Их деятельность образует второй уровень нормативного регулирования. С этим фактом считается законодатель.

Кроме нормативного регулирования правосудия существует и ненормативная сфера регулирования поведения суда. Специфика ее состоит в том, что средства регуляции не дифференцированы в виде определенных норм. На передний план здесь выступает эмоционально-волевая сторона судей, что предполагает малопредсказуемое их поведение. Но все-таки при осуществлении правосудия преобладает нормативное регулирование, которое означает, что судьям предписывается или рекомендуется определенный способ поведения, т. е. их реальное поведение как бы программируется. В конечном счете оно детерминируется потребностями общества, государства.

Нормативное регулирование правосудия проявляется через действие социальных норм, которые представляют собой стихийно сложившиеся или сознательно сформулированные на основе определенных общественных отношений правила поведения, регулирующие деятельность людей, обусловленную материальными условиями жизни общества³. При этом социальные нормы, соответствующие интересам одних людей или социальных слоев, могут быть чужды другим.

То или иное социальное явление в своей реальности имеет некую «норму», хотя в массовом сознании эта норма может быть не отражена и не закреплена. Поиск стабильной нормы всегда сложен ввиду быстротечности общественных процессов, но при установлении ее можно зафиксировать. Для рассмотрения дела судья выбирает ту социальную норму, которая им усвоена и которая пригодна к данной ситуации.

В сфере правосудия социальные нормы выступают как средство организации деятельности участников судебного процесса и контроля за этой деятельностью, что позволяет им выполнить регулятивную функцию. Будучи отражением действительности, они обладают относительной самостоятельностью, но действуют сообща и тем самым способны влиять на социальную практику людей. Поскольку социальная жизнь общества динамична, инфраструктура правосудия также не является постоянной, изменяясь сообразно движению общества.

При осуществлении правосудия действуют разнообразные социальные нормы, которые отражают соответствующие общественные отношения. Но среди социальных норм, регулирующих правосудие, основополагающее значение имеют правовые нормы, поскольку они имеют различные истоки (идеологические, экономические, политические, нравственные и т. д.) и по существу носят синтезирующий характер. Одним словом, судебная деятельность по реализации функции правосудия во многом урегулирована нормами права. В действующем

законодательстве существуют нормы, которые исключают тот или иной вариант поведения суда. Они исчерпывают собой правовое регулирование определенных ситуаций. В самом процессе правоприменения наблюдается конкретизация правовых норм, происходит их развитие или уточнение, которое идет по нескольким направлениям, ввиду того что законодатель не имеет возможности охватить правом все разнообразие общественных отношений, возникающих в связи с конкретным фактом, или считает это нецелесообразным. В деятельности суда неизбежен определенный простор для усмотрения, который связан как с индивидуализацией правовой нормы, так и с имеющимися пробелами в законе.

Судебная деятельность по рассмотрению юридических конфликтов осуществляется независимо от качества законодательства. В связи с этим суд вынужден преодолевать препятствия правового характера, связанные с состоянием закона. Важную роль при этом играет возможность использования судебного усмотрения.

Длительное время понятие «судебное усмотрение» или «усмотрение суда» не употреблялось в законодательстве. В юридической же литературе оно используется давно. И хотя наблюдается оживление интереса к этому явлению, данная проблема продолжает оставаться неразработанной. В какой-то мере это можно объяснить укоренившимся мнением, что для правосудия достаточно тех правовых норм, которые закреплены в нормативно-правовых актах. Сказалось и то, что судебное усмотрение относили к характерным признакам лишь буржуазного правопорядка, полагая, что судебное усмотрение в ущерб требованиям закона выдвигается на передний план в виде судебного прецедента. В действующем законодательстве Республики Беларусь понятие «усмотрение суда» используется (например, п. 17 ч. 2 ст. 49 УПК)⁴, но общей нормы, определяющей его сущность и пределы, нет. Применительно к правосудию в законодательстве продолжает оставаться принципиальное ограничение: судьи должны подчиняться «только закону» (ст. 110 Конституции Республики Беларусь)⁵.

В реальности же для регулирования правосудия используется большое количество таких предписаний, которые прямо и исчерпывающе характеризуют как факты, обуславливающие применение нормы права, так и действия суда при наступлении этих фактов. Распространенность ситуаций, когда суд связан конкретной нормой права, не исключает и другого варианта регулирования. Ввиду самой сущности правосудия, разнообразия лишь внешне сходных дел, кото-

рые должны быть разрешены, невозможно установить в нормах закона правила поведения с уже определенными правовыми последствиями. Именно поэтому в ряде случаев в законодательстве намечены лишь общие рамки деятельности суда. Тем самым ему предоставлена известная свобода в определении условий деятельности и выборе конкретных норм. Детального правового регулирования не может быть и потому, что законодатель подчас проверяет на практике разнообразные формы и методы решения возникшей проблемы, чтобы затем отобрать и закрепить в законодательстве лучшие из них как обязательные. Другими словами, законодатель, не только не имея возможности, но и не считая целесообразным охватить все разнообразие конкретных случаев, сознательно предоставляет суду право на очерченную определенными рамками закона свободу деятельности, предоставляя ему тем самым право на усмотрение. Это право становится элементом компетенции суда, своего рода субъективным правом. Возникают и такие ситуации, когда законодатель, конструируя норму права, не имел намерения дать возможность суду действовать по своему усмотрению, однако норма по каким-либо причинам получилась неясной, что вынуждает суд вносить в свою деятельность элементы усмотрения. Иногда в законе вообще отсутствует норма, регламентирующая конкретное общественное отношение, поскольку законодательство не успевает за чрезвычайно динамичным развитием общественных отношений. Законные же интересы лица защищаются прежде всего путем использования судебного усмотрения. Но по каким бы причинам судебное усмотрение ни возникало, оно всегда должно находиться в рамках закона. Решение, принятое судом на основе усмотрения, влечет те же правовые последствия, как и то, в основе которого лежит конкретное правовое предписание.

Судебное усмотрение – неперемный атрибут судебной деятельности по осуществлению правосудия. Однако по мере развития законодательства происходит определенное сужение его пределов за счет исчерпывающего правового регулирования. Полное его устранение невозможно.

Возникает вопрос: чем же заполняется судебное усмотрение в случае, если суду необходимо вынести решение, а соответствующей нормы права нет ни в одном из официальных источников права?

В таких ситуациях суд свободен в выборе своих предпочтений для принятия решения с учетом, конечно, законных интересов участников судебного процесса. Но мера свободы суда исторически обусловлена

и меняется: от минимальной – в тоталитарном государстве до максимальной – в демократическом. Безусловно, свобода суда не должна быть абсолютной, иначе возможно превращение ее в судебный произвол. И именно на этапе, когда в наибольшей мере происходит «самоорганизация» деятельности суда, особенно ярко проявляются личные свойства судьи, которые включают его ценностные ориентации, черты характера, способности, в совокупности образуя не только обобщенный результат его деятельности, но и ее потенциал. Не случайно в законодательстве придается важное значение требованиям, предъявляемым к судье, его профессиональным и личностным качествам. Да и само судейское сообщество заботится, чтобы в обществе утвердилась уверенность в независимости, объективности и беспристрастности судьи при осуществлении правосудия. Так, в Кодексе чести судьи Республики Беларусь сказано, что «во всех случаях судья должен продуманно осуществлять свой поступок, предвидеть его возможные последствия, соотносить его с нормами нравственности»⁶.

В ходе реализации усмотрения используется весь арсенал социальных норм, присущих обществу и усвоенных индивидуальным сознанием судьи. Причем все эти нормы действуют сообща. Правовое опосредование законодатель предусматривает лишь для наиболее важных сторон правосудия, в остальном же доверяет судье применять те социальные нормы, которые не закреплены в законодательстве. Наиболее ярким средством правового ограничения судебного усмотрения являются общие нормы права. В кодексах, принятых на рубеже XX–XXI вв., особо важное значение придается «общим положениям», содержащим в себе нормы-цели, нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-дефиниции, нормы-презумпции. Именно на них судья держит ориентир, осуществляя свое усмотрение, чтобы не выйти за пределы закона и подчиняться «только закону». От того, что судья применил социальные нормы, не являющиеся правовыми, их природа не изменилась: они не переродились в правовые нормы. Но результат их использования судьей, наделенным принудительной силой государства в виде судебной власти, вынуждает исполнять любое судебное решение независимо от того, на какие социальные регуляторы опирался судья. Эти социальные нормы оказались своего рода инструментом, материалом, с помощью которого абстрактные нормы права, содержащиеся в законах, превратились в конкретные, закрепив субъективное право тех, кто заинтересован в правосудии. Именно в этом смысле надо понимать правоустановительную деятельность суда, которая формирует судебное право.

В связи с тем, что в судебной деятельности по рассмотрению уголовных и гражданских дел много общего, давно обсуждается проблема формирования «судебного права» – комплексной отрасли, объединяющей нормы уголовно-процессуального и гражданского процессуального права. Оживленные дискуссии на этот счет велись на страницах юридической печати в конце XIX – начале XX в.⁷ Позднее в 30-е гг. XX в. наличие «судебного права» отстаивали Н. Н. Полянский и М. С. Строгович⁸, в последующем эта концепция стала получать распространение⁹.

Сторонники «судебного права» исходят из представления о наличии системной общности принципов, форм и гарантий в сфере уголовного и гражданского правосудия. М. С. Строгович отмечал, что основными компонентами «судебного права» как сложной, комплексной отрасли права являются судоустройство, уголовное судопроизводство и гражданское судопроизводство, не теряющие при этом своей самостоятельности¹⁰.

В конструкции «судебного права» просматривается придание уголовному процессу цивилистической окраски, выражающейся в том, что прокурор рассматривается как сторона, государственное обвинение приобретает вид «уголовного иска», а судебное разбирательство по уголовному делу представляет собой правовой спор между обвинением и защитой. Обращает на себя внимание связь между именно процессуальными нормами (уголовно-процессуальными и гражданскими процессуальными), тогда как традиционное представление об их взаимозависимости основывается преимущественно на связи процессуального права с соответствующими отраслями материального права. Поэтому уголовное право было принято именовать материальным уголовным правом, а уголовно-процессуальное право – формальным уголовным правом. Размежевание материального и процессуального права в России проведено Судебными уставами 1864 г. Судоустройство являлось составной частью уголовно-процессуального права. И лишь с 20-х гг. XX в. оно стало самостоятельной отраслью законодательства.

Ввиду того что судоустройство, уголовно-процессуальное и гражданское процессуальное право обладают достаточно многими общими чертами, где судоустройство обеспечивает организационную сторону судебного процесса, а уголовно-процессуальное и гражданское процессуальное право – процедуру деятельности суда по рассмотрению и разрешению юридических конфликтов, объединение их в об-

щую отрасль законодательства более обоснованно именовать «судебным процессуальным правом», чем «судебным правом». При этом процессуальные правовые нормы, являясь разновидностью процедурных норм, вне норм материального права не имеют смысла. Они детерминированы потребностью применения норм материального права и служат для реализации порядка, форм и методов, отраженных в нормах материального права. Но они обладают и специфической особенностью: имеют сугубо организационно-процессуальный, управленческий характер. В ходе правосудия внешняя реализация права проявляется в сочетании норм материального и процессуального права, которые выступают как единое целое.

Критерием отнесения нормы права к материальной или процессуальной отрасли является первичность или вторичность ее регулятивной роли в определении поведения человека. Если норма является первичным регулятором общественных отношений, содержит правило поведения, которое образует основу для разрешения по существу возникшего дела, то эта норма является нормой материального права. В этом смысле нормы материального права также обладают процессуальной направленностью¹¹. Сугубо процессуальные нормы регулируют порядок применения норм материального права. При этом они не содержат правил, которые определили бы существо рассматриваемого дела. Они только предусматривают, в каком порядке должно происходить рассмотрение дела. Их предназначение в том, чтобы провести в жизнь нормы материального права.

Материальное право и процессуальное право, являясь способом правового регулирования общественных отношений, в реальности выступают как неразрывное целое. Так, уголовно-процессуальное право служит средством установления наличия или отсутствия уголовно-правового отношения, что не придает ему второстепенного значения, а, наоборот, показывает уголовное право в реальности. Без уголовно-процессуальных норм уголовно-правовые нормы остались бы нереализованными. В свою очередь, само процессуальное право без материального невозможно было бы даже сконструировать. Реализация уголовно-процессуальных норм может происходить и тогда, когда на самом деле нет уголовно-правового отношения, когда органы, ведущие расследование и рассмотрение дела, за основу своей деятельности берут не реальное, а предполагаемое уголовно-правовое отношение. В таком случае нормы уголовно-процессуального права объективируются в виде соответствующей деятельности субъектов

уголовно-процессуальных отношений. При этом судебный процесс имеет свою самостоятельную ценность. Благодаря ему может быть выявлено наличие или отсутствие уголовно-правового отношения.

В УПК, как и других кодексах, регламентирующих порядок судебного рассмотрения соответствующей категории юридических дел, закреплена универсальная модель судебного процесса, в границах которой осуществляется соответствующий вид судопроизводства. В ст. 60 Конституции Республики Беларусь сказано: «Каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки»¹². Это означает, что любой юридический спор в окончательном виде может быть разрешен судом и формирование судебной административной юстиции неизбежно. В связи с этим в основе судебного процессуального права лежат не только нормы таких традиционных материальных отраслей, как уголовное право и гражданское право, но и всех остальных, которые сформировались на определенный момент судебной деятельности, хотя, как уже отмечалось, грани между материальным правом и процессуальным правом относительные.

Модель судебного процесса, заложенная в нормативно-правовых актах, превращается в реальность, когда суд в судебном процессе приступил к рассмотрению юридического конфликта.

Для защиты прав и законных интересов конфликтующих сторон суд применяет нормы права, закрепленные в законодательстве, а также иные социальные нормы, необходимые для реализации судебного усмотрения, сопровождающую его правоприменительную деятельность. Суд не создает закон, а применяет его в готовом виде после того, как законодательная власть установила правовые нормы и закрепила их в своих нормативно-правовых актах или делегировала свои полномочия для данного вида деятельности другим государственным органам. В отношении правоустановительной деятельности законодательной власти С. Г. Дробязко отмечает: «Правоустановление – это завершающая стадия легализованного процесса, в результате которого в соответствии с юридически предусмотренной процедурой официально объективируются источники права, принимается и систематизируется законодательство»¹³. Правоустановление судебной властью происходит в процессе рассмотрения конкретного юридического дела и оформляется в судебных актах – приговорах, постановлениях, определениях, решениях. Что касается постановлений высших судебных органов, в которых разъясняется законодательство, то

они принимаются на основе обобщений судебной практики и являются одной из ее форм. В таких постановлениях содержатся противоположения, которые применяются судами при рассмотрении юридических конфликтов. Они имеют иное предназначение, чем судебные акты, являющиеся результатом рассмотрения конкретного юридического конфликта, и по своей природе отличаются от собственно правоустановительной деятельности суда.

В отличие от формального, нереализованного права, закрепленного в нормативно-правовых актах, а также в постановлениях высших судебных органов государства, разъясняющих законодательство, судебное право – это реальное право, адаптированное судом к социальной действительности. Современное законодательство достаточно детализировано, поэтому нет опасений, что судьи, интерпретируя закон, установят новые по смыслу нормы права.

¹ Бибило В. Н. Правосудие как функция суда // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 12. Мн., 2002. С. 97–104.

² Общественное сознание и его формы / Предисл. и общ. ред. В. И. Толстых. М., 1986. С. 36–37, 42–43.

³ Даштамиров С. А. Социальные нормы: гносеологический и социологический анализ. Баку, 1984. С. 105–106.

⁴ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77–78. 2/71.

⁵ Там же. 1999. № 1. 1/0.

⁶ Первый съезд судей Республики Беларусь: Документы и материалы. Мн., 1998. С. 154.

⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 6; Михайловский И. В. Судебное право, как самостоятельная юридическая наука // Право. 1908. № 32. С. 1733–1741; Розин Н. Н. Процесс, как юридическая наука (Из лекции по судебному праву) // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 8. С. 25–45; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: Пособ. к лекц. Изд. 3-е. Пг., 1916. С. 41.

⁸ Полянский Н. Вопросы систематики в уголовном процессе // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 71–87; Строгович М. О системе науки судебного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 55–70.

⁹ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 220–234; Строгович М. С. Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 58–65; Мельников А. А. Конституция СССР и проблема судебного права // Правоведение. 1979. № 6. С. 43–50; Обсуждение проблем судебного права // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 140–141; Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1983. С. 13–42.

¹⁰ Строгович М. С. Судебное право: предмет, система, наука. С. 58–65.

¹¹ Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Мн., 2001. С. 148.

¹² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 1. 1/0.

¹³ Дробязко С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 14. Мн., 2003. С. 28.

